

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

St.Petersburg Journal of Oriental Studies

**выпуск 6
volume 6**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1994

но-следственных определяется волей говорящего. Условный союз в кхмерском языке опускается крайне редко (ср. выше о вьетнамском).

А. К. Оглоблин,
В. С. Панфилов

Зографовские чтения в Санкт-Петербурге

В Санкт-Петербургском филиале Института Востоковедения РАН стали традицией ежегодные чтения "Проблемы интерпретации традиционного индийского текста", которые обычно проводятся в секторе Южной и Юго-Восточной Азии и собирают индологов со всей страны. Очередная сессия проходила с 26 по 28 апреля 1994 года. На первом же заседании было принято решение назвать ежегодные встречи индологов "Зографовскими чтениями", так как их организатором и бессменным руководителем с 1980 года был Г. А. Зограф, заведующий сектором Южной и Юго-Восточной Азии.

Отличительной особенностью чтений стали профессионализм, оригинальность идей и нестандартный подход к проблемам древних культур. Этому в немалой степени способствовал научный авторитет Г. А. Зографа, его высокие требования к уровню докладов. Нельзя не отметить и теплую, дружескую, можно сказать, праздничную атмосферу, в которой всегда проходили встречи ученых из разных городов страны. Во многом она создавалась благодаря гостеприимству и сердечности Георгия Александровича.

Для чтений последних лет было характерно широкое привлечение сравнительных материалов и типологическое рассмотрение проблем традиционного текста, выходящее за рамки географического региона. Судя по темам докладов, они все чаще вписываются в общемировую культурный контекст. В этом отношении чтения 1994 года не уступают предыдущим.

С первым докладом на "Зографовских чтениях" выступил академик РАН *М. Н. Богданов* (СПбГУ). В его сообщении на основе обширного сравнительного материала

проводилась параллель между некоторыми иранскими и санскритскими астрономическими терминами с целью выявить общие индоиранские соответствия.

А. Л. Грюнберг (СПб ИЯ РАН) в докладе "Кафирские гимны богам из архива М. С. Андреева" привел материалы по сохранившимся вплоть до конца XIX века языческим культам кафиров (нуристанцев), а также первые записи об одном из кафирских языков *кати*. Кафирский язык представляет собой самостоятельную ветвь индоевропейских языков, а в мифологии кафиров прослеживаются параллели с богами древнеиндийского пантеона (Яма, Индра). Докладчик подчеркнул, что эти уникальные материалы могут и сегодня служить надежным источником для дальнейших исследований.

В докладе *Т. Я. Елизаренковой* (ИВ РАН, Москва) "Мир вещей ария Ригvedы (слова и вещи)" на примере названий *rātha* (колесница) и *āpas* (повозка) проводится мысль о постоянном обмене между сферами ритуальных и профанических вещей, характерном для мира древних ариев. От периода "ведийской ночи", длившегося около 1200 лет, остались только слова — устно передаваемый текст Ригvedы, лишь по нему можно судить о мире вещей того времени. Ярче всего в тексте РВ отражены "вещи", относимые мифопоэтическим сознанием к области сакрального; профанические вещи оказываются отодвинутыми на периферию. Слово в этом культовом эзотерическом тексте, сохраняя название вещи и давая представление о ее значении, одновременно переносит эту вещь в мир идеального.

Н. В. Гуров (СПбГУ) в сообщении "Атхарваведа и проблемы формирования Южноазиатского культурно-языкового ареала (к интерпретации гимнов АВ XI.9, 10)" обратил внимание на "мозаичный" характер мифологии и культуры "Атхарваеды", что объясняется длительным взаимодействием нескольких индоарийских диалектов (представляющих культуру РВ) с целым конгломератом разнотипных "автохтонных" языков и этносов в период сложения памятника (рубеж II—I тыс. до н. э.). Эти соображения иллюстрируются анализом гимнов АВ XI. 9, 10, в которых индоарийские и индоиранские мифологические представления сочетаются с элементами протодравидийской мифологии.

В сообщении *П. Г. Краснодарской* (МАЭ РАН) "Мир вещей буддийского монаха (по сингальским хроникам)" на материале

* Материалы конференции публикуются в сборнике: Общезыкознание. Языки Китая и Юго-Восточной Азии. Тезисы докладов конференции, посвященной памяти Георга фон Габелена (1840—1893). 14—15 июня 1994 г. СПб., 1994.

риале буддийских хроник Цейлона рассматривается основной набор вещей буддийского монаха *атаперихара* — 8 предметов, сопутствующих монаху в жизни. Этот набор сопоставляется с реалиями современного быта буддийских монахов Шри Ланки.

Д. В. Брагинский (Высшая религиозно-философская школа, СПб) в докладе "«Йога-Васиштха» и ее значение в индийской культуре" охарактеризовал этот памятник, как занимающий исключительное место в индийской культуре и с сожалением отметил почти полное отсутствие интереса к нему со стороны западных исследователей. Учение, излагаемое в «Йога-Васиштха» — это объединенные в едином мировоззрении различные направления индийской мысли, что позволяет оценить время создания текста (предпол. VI—VII вв. н. э.). В индийской традиции «Йога-Васиштха» представлена многими рукописями, переводами, более поздние произведения часто имеют явные или скрытые цитаты из «Йога-Васиштха», либо целиком являются ее компиляцией.

А. Л. Вигасин (ИВЯ МГУ) в сообщении "Охрана природы в древней Индии" привел сведения, позволяющие судить о том, что проблемы экологии были столь же актуальны для обитателей древней Индии, как и в наше время.

Д. Н. Лелюхин (ИВ РАН, Москва) в докладе "Структура государства Ашоки: анализ терминологии эдиктов" рассказал собравшимся об исследовании терминологии эдиктов царя Ашоки и своей попытке реконструкции государственного строя древней Индии на основании этих документов.

В сообщении **Т. И. Оранской** (СПбГУ) "Сюжет "Lucky Hans" и Айтарея Брахмана" была выявлена параллель между сказочным сюжетом, широко распространенном в мировом фольклоре (№ 1415 по указателю А. Аарне), и древнеиндийским мифом и ритуалом. Сюжет сводится к тому, что крестьянин совершает несколько мен (лошади на корову, коровы на овцу и так далее), в результате получая нечто, вовсе не имеющее ценности. В древнеиндийском тексте боги вначале намерены принести в жертву человека, затем коня, овцу и т. д. В конечном счете боги совершают жертвоприношение рисовым куличом, который служит заменой человеческой жертвы.

Доклад **А. М. Дубянского** (ИВЯ МГУ) "Поэзия сангхи и буддизм" был посвящен воздействию буддийских идей на тамильскую "поэзию сангхи" (I—III вв. н. э.). Об

этом свидетельствуют мотивы самопожертвования, благого даяния, отрешенности от мира, его эфемерности. Последний мотив даже оформляется в отдельную рубрику под названием *каньчи* (по названию дерева, которое можно предположительно идентифицировать как *бодхи*). Наличие общих мест в тамильском и палийском поэтическом комплексах дает основание докладчику заключить, что их сравнительное изучение является перспективной задачей.

В докладе **С. Л. Невелевой** (СПбФ ИВ РАН) "Формульные характеристики эпических риши" на материале обрамляющих фрагментов дидактических бесед мудрецов с героями были установлены основные характеристики традиционного сказителя — *риши*. Его образ используется брахманами — редакторами "Махабхараты" как "литературная маска" наставника — *гуру*, в частности, царского жреца.

Я. В. Васильков (СПбФ ИВ РАН) в докладе "Калавада в Махабхарате и проблемы героической дидактики" суммировал сведения об учении Калавады ("доктрина Времени"). Оно рассматривается как экспликация проникнутого фатализмом мировоззрения героического эпоса. Тексты Калавады докладчик относит к "героической дидактике", которая, по его мнению, существовала в эпосе задолго до того, как в нем начали скапливаться брахманско-индуистские тексты. В сообщении демонстрировались примеры сознательного стремления брахманских редакторов заглушать в эпосе идеи Калавады, но отмечалось и влияние, оказанное Калавадой на мировоззрение раннего индуизма, в частности, на учение Бхагавадгиты.

В докладе "Становление категории жанра в древнеиндийской теории драмы" **В. Г. Эрман** (СПбГУ) отметил, что рассмотрение десяти традиционных жанров, описанных в "Натьяшастре", позволяет сделать вывод о ритуальном происхождении индийской драмы. Однако, по мнению автора, происхождение индийского классического театра из ритуала едва ли означает восхождение его к ведийской традиции. Более обоснованной представляется непосредственная связь театральной традиции со становлением индуистской обрядности в сер. I-го тыс. до н. э.

В докладе **А. Д. Бурман** "Язык жестов «мудра» в театральных традициях Юго-Восточной Азии" были обобщены сведения об одном из важнейших элементов индийского классического танца — языке жестов *мудра*. В индийской традиции поз-

иции пальцев *мудра* считались божественными деяниями — *дивья крия*, так как благодаря своей условности они отличаются от естественных человеческих жестов и выступают как знаковые манифестации божества. По мнению докладчика символические значения языка жестов свидетельствуют об их ритуальном происхождении. В сообщении рассматривалось использование языка жестов в странах Индокитая. Было отмечено, что *мудры* получили распространение не только в ЮВА, но и в театрах Китая, Тибета, широко используются в религиозной практике буддизма, ламаизма, в воинских искусствах Азии.

Л. А. Лебедовская (СПбГУ) рассмотрела в своем докладе ритуальные основы текста Деви — Махатмьям.

В сообщении **А. В. Парибка** "Бандит, обретший святость" была реконструирована на основе "Сутры об Ангулимале" (М, 86) и прочих палийских источников биография знаменитого разбойника, обращенного Буддой и ставшего архатом. Согласно выводам докладчика, Будде удалось обратиться к разбойнику, так как он сумел снять у него последствия тяжелой психофизической родовой травмы. Будда применил для излечения прием, оставшийся в традиции непонятым. Реконструкция стала возможна лишь благодаря использованию представлений из трансперсональной психологии и дианетики.

В. М. Шелкович выступил с докладом "Восхождение Данте в Эмпирей и Махапаринирвана Будды: структурные соответствия", где показал, что переход Данте в 9-е небо Рая был связан с определенным ритуалом, который имеет в своей основе средневековые представления о времени и вечности. Имеется структурный и смысловой параллелизм между вознесением Данте и уходом Будды в Нирвану. По всей видимости эти два ритуала образуют инвариант, связанный с преобразованием пространства-времени при переходе в запредельные состояния.

Доклад "Восточные мотивы в легенде о святом Граале" был прочитан **А. П. Терентьевым-Катанским** (СПбФ ИВ РАН). В своем сообщении докладчик выявил общие сюжетные мотивы в легенде о святом Граале и некоторых индийских, китайских, монгольских, библейских и иранских источниках.

Следующие чтения состоятся в апреле 1995 года.

А. Д. Бурман

XVII конгресс Европейского Союза арабистов и исламоведов (21—26 августа 1994 г.)

Впервые в Санкт-Петербурге проходил столь масштабный форум востоковедов, что привлекло к конгрессу внимание научной общественности и Правительства Санкт-Петербурга.

Мэр города А. А. Собчак прислал участникам конгресса телеграмму следующего содержания: "Уважаемые дамы и господа! От имени Правительства Санкт-Петербурга я рад приветствовать участников XVII Конгресса Европейского Союза арабистов и исламоведов, собравшихся в Санкт-Петербурге для обсуждения актуальных проблем одной из важнейших отраслей мирового востоковедения.

Нам приятно сознавать, что этот важный научный форум проходит в нашем городе, имеющем давние и славные традиции востоковедных исследований, в городе, где более двух столетий собирались и изучались важнейшие памятники письменной культуры мусульманских народов, в городе, где расположен один из крупнейших центров мировой ориенталистики — Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения, принявший на себя почетную обязанность организации и проведения настоящего Конгресса. Желаю всем участникам Конгресса успешной и плодотворной работы".

Работа конгресса проводилась по нескольким направлениям: "Исламский мир и Восточная Европа: контакты и взаимодействие", "Исследования и подходы к анализу текста"; "Военное дело в исламском мире". Был организован также крупный стол "Война и общество в Восточном Средиземноморье".

В конгрессе участвовали ученые из многих стран — Австрии, (5 участников), Болгарии (8), Англии (8), Финляндии (1), Франции (4), Германии (25), Италии (6), Израиля (2), Нидерландов (13), Польши (1), Португалии (2), Испании (12), Швеции (5), Швейцарии (4), США (3).

Российское востоковедение на конгрессе представляли исследователи из ИВ РАН (В. В. Наумкин, С. Х. Кялилев, И. М. Смилянская, А. Малашенко, А. Б. Белова А. Кудрявцев), СПб ФИВ РАН (Ю. А. Петросян, А. Б. Халидов, Е. А. Резван, О. Ф. Акимушкин, О. Г. Большаков, С. А. Франгузов, С. М. Прозоров, П. А. Грязневич, А. К. Аликберов, Вал. В. Полосин, В. В. Полосин, А. Г. Лундин, Т. И. Сулганов, И. П. Михайлова, А. И. Колесников), СПбГУ (А. А. Долиннина, М. Н. Бо-